

Новая серия, выпуск 200
Исторические науки, книга 41

Научные труды

Выпуск 200

Археология Средней Азии

VI

М. Е. Массон.

ИЗ ПРОШЛОГО ТИГРОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Историческая справка)

„Вспомни, что я был некогда
владыкой джунглей“.

Р. Киплинг. Маугли

Термин «тигр» может быть одного корня с древнеиранским словом «tigra» = «стрела». Крупный, достигающий в длину без хвоста свыше двух метров, кровожадный хищник, обладающий к тому же страшной силой, туркестанский или среднеазиатский тигр «юлбарс» или «джулбарс» — по тюркски, «шир» или «шер» — по таджикски, имеет в Средней Азии еще и эпитет «падша», а в северной Индии иногда именуется еще «ширхан», т. к. считается царем всех местных зверей. Он заставлял трепетать и людей. Недаром при неожиданной встрече с ним безоружного путника рекомендовалось или притвориться мертвым, или приветствовать его, как человека, мусульманским возгласом «ас-салам алейкум!» (Мир Вам!). А затем, чтобы умиловить владыку камышевых джунглей, не глядя ему в глаза, почтительно произнести: «У меня нет с тобой никакого дела; ты бы шел своей дорогой, а я пойду своей».

В прежнее время среди местного населения было распространено убеждение, что лютый и бесстрашный царственный хищник смиряется только вблизи могил особо чтимых мусульманских святых и это признавалось верным признаком их духовного величия. Так персонал, обслуживавший находившийся среди приамурдарьинской группы развалин Старого Термеза мавзолей Хакими Термези, уверял, что тигры, спускавшиеся в зимнее время вслед за кабанами вниз по Аму-Дарье, проходя в порядке паломничества вблизи мазара, совершали ежегодно поклонение могиле Термез-ата, которую трижды обходили вокруг, не нанося никому никакого ущерба, и потом следовали далее в сторону Келифа. По показанию таджиков горного селения Заркент Ташкентской области, еще в конце прошлого столетия одиночные тигры приходили поздней осенью на поклонение расположенному несколько выше этого кишлака чтимому мазару некого Имама Мухам-

меда, более известного под прозвищем «Бобо-и мурадбахш» (т. е. «Отец, дарующий исполнение желаний»). Хищники, идя к мазару, как подобает настоящим благочестивым зиаратчи, якобы «воздерживались от греха», не резали пасшихся в горах лошадей и разрешали это себе только на обратном пути. Приближаясь к месту погребения Имама Мухаммеда, около которой в эту пору оставался на зиму жить только один юродивый-дивана, каждый типр будто бы выполнял положенную для паломников церемонию, три раза обходил вокруг мазара, а под конец прикладывался мордью к порогу постройки, возведенной над «святой» могилой. Собственными глазами никто этого не видел, кроме упомянутого дивоны, со слов которого и передавались приводимые подробности. Тигровые паломничества в окрестностях Заркента прекратились уже давным давно, что местные таджики связывали с постановкой в горах еще в до-революционное время царскими землемерами столбов, обозначающих границы охранявшихся лесничими так называемых «лесных казенных дач», что может быть было принято гордыми ширами за личную обиду.

Тигр, наряду с таинственной ядовитой черной змеей, в былых представлениях различных народов Средней Азии, в ряде случаев фигурировал также в роли охранителя почитаемых могил. Так, например, по преданию, бытовавшему у проживавших в Ахале туркмен теке, находящееся у руин мечети Анау могильное сооружение прошлого столетия над местом погребения некоего Ходжа Музаффары по ночам приходил оберегать тигр.

В средние века полуприрученные тигры использовались в качестве «неподкупных» охранителей потентатов, которые имели основание почему либо побаиваться покушения на свою жизнь. Известно, что около спальни саманида Насра I, сына Ахмеда, внука Исмаила, на ночь привязывали на цепи тигра, который разорвал бы всякого, кто попытался бы проникнуть в помещение спящего правителя. В ночь на 23 января 914 года, когда Наср во время охоты на берегу Аму-Дарьи заночевал в палатке в окрестностях Феребра, тигр по забывчивости ли слуг или с умыслом не был приведен к шатру, что позволило заговорщикам из среды гвардейских гулямов беспрепятственно совершить убийство своего государя.

У некоторых правителей последних среднеазиатских ханств для представительства считалось весьма парадным содержать пойманных тигров в больших глубоких ямах с отвесными стенками, вырытых в дворцовых ханских садах. Шкуры тигров в старину фигурировали в придворном быту и их постилали для сидения государям, как это между прочим запечатлено на одной тимуридской книжной миниатюре Шах-наме, отражающей обстановку XV столетия, хотя по сюжету она относится ко времени правления легендарного царя Кеямурса. Характерно, что на тимуридских и сефевидских миниатюрах XV—XVI вв. эпический герой Рустам бывает одет в короткий кафтан из тригровой шкуры.

Удалым среднеазиатским богатырям за военные доблести в сражении присваивали почетное прозвище «Джулбарс». Этим именем нарекали иногда ханских детей, чтобы тем самым воздействовать на формирование в ребенке и юноше необходимых будущему правителю некоторых качеств царственного животного. За его острыми когтями признавалась магическая сила. По снятию с убитого тигра skóry их иногда отрезали и носили при себе, так как они считались полезным амулетом вообще и в частности лучшим оберегом от козней в ночной тьме злой ведьмы Албасты. Не случайно, конечно, и появление изображений этих животных, вероятно отражающих старинные представления об обереге, на выложенных изразцами величественных порталах некоторых среднеазиатских архитектурных памятников. Пара несколько фантастических по своей окраске белых тигров вместе с двумя белыми же фениксами имелась в тимпанах пештака бухарского медресе, отстроенного в 1623 году при архитектурном комплексе у Лябихауза по распоряжению видного сановника главы узбекского рода арлат Надыр Мухаммеда диван беги. По главным давно утраченным крупным изображениям здание в свое время было известно в народе под названием «Шир-дор», т. е. «Имеющее широв». С именем того же вельможи связано появление двенадцать лет спустя в Самарканде у мазара Ходжа Ахрара другого медресе, по сохранявшимся еще в пору завоевания города русскими войсками изображению на главном фасаде двух пар больших и малых изразцовых широв носившее название «Кичик Шир-дор», т. е. «Малое Шир-дор». Эта народная кличка была дана ему в отличие от одновременно с ним законченного сооружения значительно более крупного медресе на самаркандском Регистане, где оно возводилось на протяжении свыше четверти века на средства знаменитого в то время главы рода алчин Ялангтуш-бий бахадура. Уцелевшие до наших дней на его портале два шира, композиционно связанные с убегающими от них пятнистыми ланями и восходящими глазастыми, широконосими, с двумя черными кудряшками дисками солнца, передают далеко не вполне реалистический облик тигра. У них разинутая пасть, длинное оранжевое тело с характерными черными тигровыми полосами и вместе с тем всклокоченная завитками грива.

Быть может в этом следует видеть одну из поздних реплик традиции среднеазиатского искусства дополнять изображения тигра гривой, присущей тесно связанным с ним родством льву. В таком случае допустимо отнести к сцене с тигром считающийся ахеменидским по своему происхождению сюжет борьбы человека со вставшим на задние лапы крупным хищником кошачей породы. Такая сцена встречается и на среднеазиатских геммах и на медных, когда то посеребрённых драхмах поры кризиса рабовладельческого общества. Вообще археологическая иконография тигров пока представлена малым числом памятников. Очень фрагментированные изображения трех особей этих зверей были

найлены на небольших кусках стальных росписей при раскопках руин дворца хорезмшахов на городище Тупрак-кала. Встреченная там очень реалистично выполненная свирепая голова тигра еп face явно принадлежит самцу почтенного возраста, о чем свидетельствует наличие на его щеках удлиненной шерсти, образующей некоторое подобие бакенбард. Был нарисован тигр и на стальной росписи так называемого Варахшского дворца. Здесь он выступает одним из персонажей шествия зверей. Уцелела лишь нижняя часть фигуры идущего влево бело-желтого с черными полосами тигра, словно покрытого белой тканью с черным рисунком. Последняя деталь заставляет думать, что перед нами не просто дикий тигр. Что же касается среднеазиатских наскальных рисунков, то весьма вероятно, что среди изображенных на них достаточно примитивно крупных хищников кошачьей породы, обычно признаваемых за барсов, и, как исключение, за львов, в некоторых случаях следует видеть именно тигров. Вполне вероятно, что и фигуры людей, представленных в среднеазиатских наскальных рисунках с показом спускающихся вниз длинных хвостов, не все облачены обязательно в барсовые шкуры, как это обычно трактуется исследователями, а часть из них окутана шкурой тигра, который мог быть у них племенным тотемом, подобно тому, как это имело место в древнем Китае.

В феодальную пору у среднеазиатских сельджуков убийство тигра молодым человеком засчитывалось ему наравне с победой в единоборстве над врагом. После того он признавался оформившимся воином, у локтя его подвязывался хвост яка-кутаса, считавшегося почитаемым животным у тюрков, а шкура убитого хищника долгое время сопровождала всадника, как наглядное доказательство его подвига. Известно, что в мавзолее Хазрет Ахмеда Ясеви в городе Туркестане намогильное сооружение над местом погребения казахского хана XVIII века Джулбарса, до сих пор покрыто наброшенной на него ветхой шкурой когда то давным-давно убитого тигра.

Среднеазиатский или туранский тигр принадлежит к особому подвиду с мягкой, относительно длинной и светлого оттенка шерстью (*Tigris tigris virgata Matschie*). Сведения о нем под именем «гирканского льва» (так по Птолемею; правильное же «гирканский тигр») встречаются еще у греко-римских авторов, именовавших иногда тигра термином „leo tigris“. Тигры подразумеваются и под львами в районе Талихана, упоминаемыми в записках путешественника XIII в., Марко Поло. Давно пора покончить с европейской традицией в применении к Средней Азии переводить термин «шир», которым обозначали одновременно и льва и тигра, преимущественно первым значением. Несомненно, и убитый в 328 г. до н. э. в заповеданном парадизе, Базайры под Самаркандом Александром Македонским представитель крупной кошачьей породы, и подарочные животные согдийских правителей VII в., отправлявшиеся при посольствах в да-

лекий Китай, и водившиеся, по Хафизу Абру, в XV в. в больших камышевых зарослях у Бурдагуйской переправы через Аму-Дарью близ Термеза и многие другие мнимые львы-ширы в действительности были именно туркестанскими тиграми. Среди них лишь изредка попадались более яркие по окраске экземпляры, которые считались случайно забредшими из Индии так называемыми «бенгальскими» или «королевскими» тиграми.

Как устанавливается по данным письменных исторических источников, в прежнее время ареал распространения туркестанского тигра был очень обширен. Он водился, предпочитая камышевые джунгли и густые трудно проходимые тугаи, по Гюргену, Атреку, Сумбару, Теджену, Мургабу, (где между прочим, в 3 фарсахх восточнее Мерва в X веке имелось селение Ширнахджир, что значит «добыча тигра»), по всей Аму-Дарье, начиная от областей по Пянджу, Вахшу, Кафирнигану до Хорезма и дельты реки включительно, в долине Зеравшана, по Сыр-Дарье от Ферганы, долины Ангрена и Чирчика до самых низовьев, по Таласу, Чу, в Джунгарском Алатау, в Прибалхашье, по Или вплоть до Кульджи. Отвоевание человеком под культурные земли больших массивов былых диких зарослей, выжигание камышей, уменьшение в связи с этим кабанов, служивших главой пищи тиграм, наконец, физическое истребление последних обусловили процесс постепенного сокращения числа этих хищников. Лишь в периоды крупных общественных потрясений, сопровождавшихся длительным упадком хозяйственно-экономической жизни страны, на некоторое время создавались условия, способствовавшие не только задержке в окончательном исчезновении тигров, но даже известному увеличению их числа. Когда при своем торжественном продвижении из Кара-Корума через Кеш и Шапурган в Хорасан монгольский хан Хулагу с многочисленной свитой переправился через Аму-Дарью 1-го января 1265 года по специально наведенному для этого у Келифа понтонному мосту из собранных сюда судов и лодок (вероятно типа каюков или киме), то на другой день для развлечения он отправился на прогулку вдоль левого берега этой реки. Неожиданно из середины тугайно-камышевой чащи появились тигры. Хулагу распорядился, чтобы всадники, оцепив это место, устроили на них облаву. Так как кони пугались тигров, людям пришлось пересечь на взъяренных верблюдах, и после того удалось добыть здесь в результате однодневной охоты десять экземпляров этих хищников. Приведенное количество может служить показателем значительного размножения тигров на Аму-Дарье к середине XIII века, как одного из последствий монгольского завоевания. В последний раз такое же явление имело место в период всеобщего кризиса, охватившего Среднюю Азию в XVIII в., когда произошел полный упадок ирригационных систем, обезлюдение и одичание ряда прежде культурных мест. Последствия этого красноречиво запечатлены в словах хивинского историка Муниса в части Хорезма: «Деревни

и пашни обратились в заросли; озера — в камышевые болота, дикие звери заменили людей; в столице оставалось не более 40 семейств...» Подобное положение было почти повсеместным явлением. Именно в ту пору подвергались новому заболачиванию местности Суфион под Бухарой, Денау-Юрчинского района, Ахангеран, Фергана и на много лет совершенно обезлюдели Самарканд, Шихрисябз, частично даже столичная Бухара и другие города. Про Самарканд Мир-Иззет-Улла убежденно писал, что хуждры его регистанских медресе использовали тогда в качестве логова тигры и волки. Одновременно резко повысилось поголовье кабанов и умножились числом туркестанские тигры. Уничтожение их стало неизбежной заботой общества, с которой оно, только-только выходя из состояния изживавшегося на протяжении конца XVIII и начала XIX вв. кризиса, справлялось не очень успешно. На этом то этапе и столкнулись в Туркестане с тиграми русские охотники.

Плохо вооруженное местное население во всех ханствах обычно боялось тигров. Если последние начинали наносить уж слишком чувствительный ущерб хозяйству, уничтожая домашний скот, или когда в числе их жертв оказывались дети, а также взрослые, после чего звери, особенно под старость, на своем опыте убеждались в полной съедобности, слабости и беззащитности невооруженного человека, проявляли особую склонность к людоедству, ханская администрация, как и в Китае, организовывала на них крупные облавы, в которых принимали участие сотни и даже тысячи людей. Так, в тридцатых годах прошлого столетия под Ташкентом в районе Бешагача, в овражистом районе по Бурджару, около современной городской бойни и Комсомольского озера, почти буквально под городской стеной, поселилась пара тигров. По распоряжению Беклярбека на облаву для их уничтожения было собрано до двух тысяч человек.

Под Бухарой, в низовьях Зеравшана при подобных же обстоятельствах сооружалась бревенчатая окованная железными полосами крупная клетка, которая устанавливалась на четыре огромные арбянные колеса. Внутри ее размещали охотников с ружьями, боеприпасами и продовольствием, накрепко заделывали вход. После того эту клетку закатывали в гущу камышей и оставляли ее там на некоторое время. Появившийся тигр, иногда даже храбро бросавшийся на прочную клетку, поражался выстрелами сидевших в безопасном убежище охотников. Через сутки их навещали или перекатывали на новое место, или, в случае благоприятных результатов, высвобождали из добровольного заключения.

У казахов практиковался коллективный способ охоты с помощью глухой юрты, которую собирали без дверей у оцепленного конными пикетами места, где упорно залег тигр. В отверстии тундюка закреплялось наряженное под человека чучело, а внутри юрты снизу заползало от шести до восьми человек, которые ухватившись за кереге, медленно пододвигали ее к зверю. Шагах в

тридцати от него юрту опускали. Часть охотников, повиснув на деревянном остове всей тяжестью своего тела удерживали его плотно прижатым к земле на случай, если тигр вдруг кинется на него, а другие стреляли в зверя из нескольких ружей с близкого расстояния обычно наверняка без промаха.

Был в употреблении и прием охоты на живую приманку, когда барашка, козленка и даже теленка сажали в глубокую яму, с отвесными стенками, а охотники с ружьями располагались на высоких деревьях с вертикальными стволами, по которым тигры лазить по самой своей природе совершенно не способны.

В индивидуальном порядке борьба с тиграми сводилась обычно к расстановке у места лежания зарезанных ими, но не доеденных за один прием трупов животных, капканов, заряженных ружей, и даже ножей, закрепленных в гибких шестах. Тигр, задев протянутую на его пути бичевку, разряжал в себя ружье, или, опустив сторожок, тем самым приводил в движение упругий шест, который выпрямляясь, бил животное ножом или двумя ножами. Бывали, однако, охотники, которые решались выходить против тигра с глаза на глаз. Завидев зверя, охотнику рекомендовалось тихо, но настойчиво произносить: «Шир-падша! Мард, мард», т. е. «Царь Тигр! это человек, это человек». Предполагали, что замороженный этими словами зверь, якобы будет неподвижно стоять и даст время метко в себя прицеливаться.

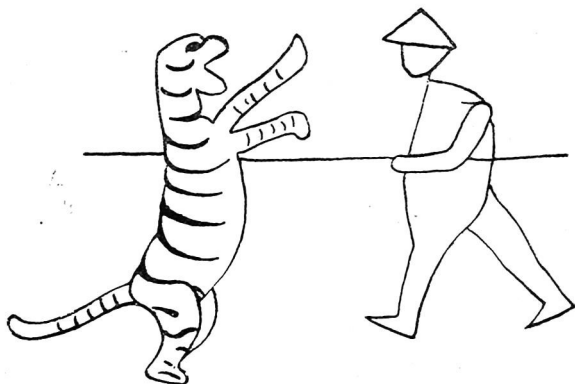
Для последних столетий известно несколько эпизодов необычных столкновений с тигром. Один из них имел место в первой четверти XVIII века в Фергане на правом берегу Сыр-Дарьи, ниже Балыкчи. Здесь во время похода против наманганцев остановился лагерь правитель Ферганы, Шахрух-бий. В ожидании дальнейших событий, он отправился на охоту и в тугае натолкнулся на тигра. Рестерявшаяся свита остолбенела и, когда тигр приготовился к прыжку, в страхе разбежалась. Шахрух же на коне рванулся к зверю. Тот кинулся на правителя и когтями разорвал халат, обнажив грудь и плечи. Тогда бий, прозванный за богатырское сложение «медведем», спрыгнул с коня, навалился всем телом на тигра и, сдавив горло зверя мощными руками, задушил его. Неожиданный исход единоборства, произвел сильное впечатление на врагов, и те поспешили заключить с Шахрухбием мир.

Другой эпизод произошел зимой 1816/17 годов. Выступив в поход на Ташкент, Кокандский хан Алим остановился тогда в долине Чирчика близ Куйлюка на дневку. Во время начавшейся вскоре охоты из большой туранговой роши вдруг раздались призывы о помощи. Хан со свитой кинулся на зов и увидел, что пара тигров успела разорвать и поранить несколько человек. Алим на виду у тигров предложил щедрую награду тому, что убьет зверей. Нукеры открыли стрельбу, но тигры бросились навстречу выстрелам и подмяли еще несколько человек охотников, после чего большая часть солдат разбежалась. Вслед за тем сын хана Шахрух, пешком подкрался между деревьев к самке и уложил

ее из ружья наповал. Тогда второй сын Алима, будущий кокандский хан Омар, не допуская публичного превосходства над собой брата, выхватил мулдук, конный бросился на самца и поразил его пулей в самое сердце. Крики одобрения приветствовали обоих братьев, которым Алим хан на месте же сделал дорогие подарки.

В народе очень широкой популярностью пользовались те охотники, которые ходили специально на тигра один на один. Сто

Илл. 1. Среднее течение Сыр-Дарьи. Роспись внутри казахского мавзолея первой половины XIX века.

лет назад в Фергане, например, был некий узбек, который убил зверя пикой где-то в районе Балыкчи или Мишгбулака. И до недавних еще пор передавали, что репутация кокандского хана Ширали (1842—1845 гг.) окончательно пошатнулась в общественном мнении именно после того, как он, испытывая страх за свой трон, по подозрению велел зарезать этого богатыря узбека. Примененный последним способ в борьбе с тигром не был единственным. В росписи одного из казахских мавзолеев первой половины прошлого столетия в одном из урочищ нижнего течения Сыр-Дарьи изображена сцена, как покойный богатырь всаживает пикю в брюхо поднявшегося на задние лапы крупного тигра.

Более эффективная борьба с тиграми в XIX веке падает на время после присоединения Средней Азии к России. Еще в 60—80-х годах тигры в некоторых районах представляли порой определенную угрозу плохо вооруженным местным жителям. Так, в Чирчикской долине в холодную зиму 1882—1883 гг. пара тигров,

заявивших тропу через камыши в урочище Садыр-куль, по официальным статистическим данным русской администрации, истребила из обитателей окрестных селений двадцать человек, когда те проезжали по указанной тропе в соседние аулы и на базары. Нападения этих зверей прекратились только с наступлением весны. Для истребления хищников и кабанов в войсковых частях были созданы специальные охотничьи команды, затравливавшие зверей с помощью собак и расстреливавшие их из винтовок системы бердана. Поощрялась и частная инициатива. За убийство тигра охотнику — кто бы он ни был — выдавалась премия в размере 25 рублей, при чем следующие выдачи увеличивались на пять рублей за каждого вновь убитого зверя. Среди молодых переселенных в Туркестан уральских казаков, желавших показать свою удал, бывали смельчаки, выходившие на единоборство с тигром с топором на длинном древке и с ножом. В середине прошлого столетия на так называемой «Сыр-Дарьинской линии» военных укреплений среди тигрбойцев исключительно широкой известностью пользовался рядовой Оренбургского казачьего войска Мантык, который под конец был растерзан в 1858 году близ форта Перовского (бывшей кокандской крепости Акмечет, ныне Кзыл-Орда) во время охоты за тринадцатым таки убитым им тигром. И позднее бывали лица, которые на своем веку истребили по нескольку штук тигров, а иногда и свыше одного десятка. Особенно прославился в этом отношении в Ташкенте в конце XIX в. отставной солдат Гамов — невысокого роста, суховатого телосложения, скромной внешности, уложивший несколько десятков тигров и даже побывавший в лапах у подбитого зверя, успевшего его изувечит в своих страшных объятиях.

В XX веке количество среднеазиатских тигров резко сократилось. В Сырдарьинской области за шесть лет с 1910 г. по 1915 г. было убито всего восемь тигров. Большая часть районов, где они некогда обитали, теперь совершенно очистилась от них. В основном они держатся еще в верховьях Аму-Дарьи, по Пянджу, Вахшу. В других местах, в частности в Хорезме, бродят лишь единичные экземпляры и то элизолически. Так, в Ахангеране последний тигр был убит уже после революции в начале двадцатых годов и его изрешеченная пулями шкура много лет хранилась, как редкий трофей, в Пскентском отделении Союза охотников. В долине Чирчика пару тигров видели в середине двадцатых годов.

Нельзя обойти молчанием и некоторой положительной стороны в былой роли тигров для земледельческого хозяйства Средней Азии. Это находилось в зависимости в известной мере от различного отношения здесь к охоте на кабанов в те или иные эпохи. В странах Среднего Востока до арабского завоевания небезопасная охота на вепрей считалась приличествующей даже царственным особам, и памятники так называемого «сасанидского искусства» сохранили немало изображений рискованных встреч государей, царевичей и героев с кабанями. Не считали этого для себя за-

зорным в XI—XII вв. и среднеазиатские тюркские правители из династии сельджуков, а караханиды допускали диких свиней даже в свои охотничьи парки. Однако, проповедывавшийся в странах ислама взгляд на свиней, как нечистых, запретных для употребления в пищу животных, и постепенное внедрение в населении основ шариата, регламентировавшего все стороны жизни правоверного мусульмана, привело мало по малу к изменению прежнего отношения к этому животному. По сборнику «Хидоя», составленному в XII в. одним ферганским богословом, первым правилом шариата об охоте на кабана накладывается категорическое вето, как на недопустимую для мусульманина охотничью дичь из-за самой «омерзительности» этого животного.

Когда с XVIII века в Средней Азии создавалась благоприятная обстановка для роста влияния ханжества и мракобесия среди местного населения через посредство крайне реакционного тогдашнего мусульманского духовенства, здешние мергены уже решительно избегали охоты на «поганых свиней». Между тем, они, расплодившись и травя бахчи и поля, во многих местах являлись форменным бичем земледельческой культуры. В ту пору до присоединения Средней Азии к России тигры являлись единственными регуляторами, сколько-нибудь тормозившими безграничное размножение кабанов, которые могли бы в противном случае кое-где сделать совершенно невозможным земледелие, как то наблюдалось в некоторых местностях Индии. Для Хорезма, например, тигры в этом отношении в свое время принесли определенную пользу.

По старым охотничьим законоположениям царского времени тигры причислялись к тем вредным животным, которые подлежали истреблению всеми средствами и во все сезоны, включая пору размножения с конца зимы до начала весны включительно. Советским законодательством по охране природы охота на тигров категорически запрещена во избежание их полного уничтожения, и лицо, убившее зверя не в порядке личной защиты, приравнивается к злостным браконьерам и подлежит судебной ответственности.
